

Вкус заката на губах

АННА ДЕЛМАН

Анна Делман

Вкус заката на губах

«Автор»

2026

Делман А.

Вкус заката на губах / А. Делман — «Автор», 2026

Алиса Вергинская, талантливый сомелье, бежит из шумной Москвы в тихий приморский городок, надеясь спрятаться от прошлого, которое до сих пор преследует её в языках пламени. Марк Аверин, бывший столичный шеф-повар и звезда гасгроблогов, переживает собственный кризис: он разучился чувствовать вкус. Некогда знаменитый, он променял софиты и миллионы подписчиков на крошечную кухню у моря, где никто не ждёт от него шоу. Их первая встреча — столкновение двух стихий. Он считает её высокомерной дилетанткой. Она его — невыносимым циником. Он убеждён, что еда первична. Она готова доказывать обратное до последнего вздоха. Но одна случайная дегустация переворачивает всё: устрицы и нефильтованное sake рождают на их языках пятый элемент — умами. Вкус, который невозможно забыть. Вкус, который становится началом опасного, запретного притяжения. Шаг за шагом, от битвы к перемирию, от шторма в открытом море до тихих утренних ритуалов с кофе и мятой, они открывают друг друга заново.

© Делман А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Горький шоколад и соль	5
Глава 2. Кислый лимон на порезах	8
Глава 3. Умами: Пятый элемент	12
Глава 4. Сладость запретного	17
Глава 5. Перец чили и адреналин	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Анна Делман

Вкус заката на губах

Глава 1. Горький шоколад и соль

Автобус, дребезжа всем своим выдавшим виды корпусом, выплюнул её на пустынной привокзальной площади и, чихнув на прощание соляжкой, скрылся за пеленой морозящего дождя. Алиса стояла, сжимая ручку тяжелого чемодана, и чувствовала, как влажный ветер с моря мгновенно забирается под воротник строгого пальто, пробирая до костей. Приморский городок в конце октября встречал её не курортным глянецом, а суровой, пропитанной солью реальностью. В воздухе висел густой запах водорослей, мокрого камня и близкого, беспокойного моря — запах, в котором осенняя меланхолия смешивалась с тревожным предчувствием.

Москва осталась где-то далеко позади, в шуме ресторанных премий и гляцевых дегустиаций, и Алиса надеялась, что здесь, на краю земли, ей удастся спрятаться. От прошлого, от собственных страхов, от того огня, что преследовал её даже во сне. Она выдохнула облачко пара, поправила идеально уложенные волосы и решительно покатила чемодан по брусчатке, следуя указателю «Ресторан «Шторм» — 800 м».

Дорога петляла вдоль обрывистого берега. Слева, за ржавой оградой, в серых сумерках угадывалось тяжелое, маслянисто-черное море. Справа теснились старые, облупленные дома с заколоченными ставнями — здесь сезон закончился давно и безвозвратно. Чем ближе она подходила, тем отчётливее становился ритмичный гул прибоя, разбивающегося где-то внизу о скалы.

Ресторан показался внезапно. Он висел над пропастью, словно старый, выдавший виды корабль, выброшенный на скалы, но чудом удержавшийся на самом краю. Массивное деревянное здание, потемневшее от времени и соленых брызг, с широкой террасой, оплетённой голыми, скрюченными ветрами плетями винограда. Вывеска — кованые буквы на цепях — раскачивалась с тихим, жалобным скрипом, и Алисе на миг показалось, что ещё чуть-чуть, и весь этот архитектурный монумент вместе с ней ухнет в бушующую внизу стихию. Но именно эта суровая, неприглаженная красота и привела её сюда. Здесь не было места фальши. Здесь всё было по-настоящему.

Тяжёлая дубовая дверь поддавалась с неохотным стоном. Внутри царил полумрак и тот особый запах старых ресторанов, который не выветрить никакими чистящими средствами: смесь винных паров, старого дерева, специй и едва уловимого дымка. Зал был пуст. Столики, накрытые тяжёлыми скатертями, стулья, поставленные друг на друга, застывшая в хрустальных подвесках люстра — всё это напоминало декорации к спектаклю, премьеры которого давно прошла. Алиса кашлянула, и эхо заметалось под высоким сводчатым потолком.

— Есть кто-нибудь? — голос прозвучал глухо и неуверенно, совсем не так, как на переговорах в «Метрополе».

Ответом была тишина, нарушаемая лишь доносящимся откуда-то из глубины здания ритмичным, басовитым гулом вытяжки. Алиса оставила чемодан у входа и пошла на звук, стуча каблуками по выщербленному паркету. Она миновала анфиладу тёмных комнат, толкнула очередную обитую дерматином дверь и оказалась в совершенно ином мире.

Кухня «Шторма» гудела, как растревоженный улей. Под высокими сводами витал обжигающий жар от открытого гриля, смешанный с паром и ароматами жареного лука, тимьяна и чего-то пряного, что заставило её ноздри затрепетать. Гремели сотейники, шипело масло, звенела сталь. И посреди этого организованного хаоса стоял ОН. Мужчина в закатанной до локтей белой куртке, с тёмными, чуть вьющимися волосами, небрежно прихваченными банданой,

стоял у разделочного стола, широко расставив ноги. Его руки с длинными, сильными пальцами двигались с гипнотической точностью: короткий взмах ножа — и горка шампиньонов превращалась в веер тончайших, полупрозрачных пластинок.

Алиса замерла на пороге. В этом человеке, в его отточенных движениях, в том, как он, не глядя, подбрасывал щепотку соли, как прикусывал губу, пробуя соус с кончика пальца, чувствовалась абсолютная, первобытная власть над материей. Он был не просто поваром, он был жрецом своего культа.

— Простите... — начала она, но её голос потонул в шипении новой порции продуктов, брошенных на разогретую сковороду.

Мужчина поднял голову, и на неё уставились глаза цвета крепкого эспрессо — тёмные, горячие и совершенно неприветливые. Он скользнул по ней быстрым, оценивающим взглядом, от идеально застёгнутой верхней пуговицы её серого пальто до кончиков лакированных туфель, и в этом взгляде она прочла диагноз: «Чужак. Опасность. Бюрократ». В его вселенной строгие костюмы не предвещали ничего хорошего.

— Выход для посетителей закрыт, — бросил он, возвращаясь к своему ножу. Голос был низким, с хрипотцой, словно его обладатель привык перекрикивать шум вентиляции и морской прибой. — Осеннее меню будет готово через час. Ждите в баре.

Алиса почувствовала, как внутри закипает раздражение. Эта манера, этот снисходительный тон... Она столько лет выстраивала свою профессиональную броню, чтобы вот так, с порога, её списали в «гости».

— Я не посетительница, — сухо произнесла она, делая шаг вперёд. — Я Алиса Вертинская. Новый сомелье и управляющая погребом.

Рука с ножом на секунду замерла. Он медленно, с наигранным удивлением, снова поднял голову.

— Сомелье? — он растянул губы в ухмылке, которая, впрочем, не коснулась его глаз. — А я думал, из налоговой. Или санитарная инспекция. Уж больно вид у вас ревизорский.

— Мой «ревизорский» вид, — отчеканила она, — позволяет мне привести в порядок одну безнадежно запущенную карту вин, которая, судя по запаху из зала, давно превратилась в уксус.

Он отложил нож и вытер руки о висящее на плече полотенце. Теперь он смотрел на неё с интересом, но не тем, которого ей хотелось бы. Это был интерес энтомолога, разглядывающего редкого, но не слишком приятного жука.

— Алиса Вертинская, — повторил он, словно пробуя её имя на язык. — Слышал. Это вы в прошлом году в «Белом квадрате» устроили дегустацию тихих вин под блюда молекулярной кухни?

Алиса слегка приподняла подбородок. Вот оно. Вторжение на его территорию начинается с признания её квалификации.

— Да, это моя программа. Я специализируюсь на сложных эногастрономических сочетаниях. Именно поэтому меня пригласила Анна Петровна. Чтобы освежить меню и создать для «Шторма» новую концепцию.

С лица Марка мгновенно исчезли все намёки на веселье. Оно стало жёстким и замкнутым. Он скрестил руки на груди, и Алиса невольно отметила, как под тонкой тканью куртки перекатились мускулы.

— Послушайте, «специалист», — произнёс он, делая ударение на последнем слове. — Здесь вам не Москва. Тут нет пены из цитрусов и эмульсии из трюфелей. Моя кухня — это честная еда. И она не будет подстраиваться под ваши капризы или ваши бокалы. Еда первична. Запомните это золотое правило на этой кухне: сначала я готовлю то, что хочу и как хочу, а вы уже ищите к этому вино. Ищите хоть до второго пришествия.

Он развернулся к плите, давая понять, что разговор окончен.

Алиса стояла, оглушённая. К такому приёму она была не готова. Обычно шеф-повара были её союзниками, они вместе искали гармонию вкуса. Этот же видел в ней врага. Он даже не захотел выслушать её идеи. «Еда первична». Какая примитивная, пещерная философия! В ней закипала профессиональная гордость, смешанная с личной обидой.

— Вино — это не просто дополнение к еде, — произнесла она, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но металлические нотки всё равно прорвались. — Это её нерв, её продолжение. Правильное сочетание может превратить ваш «честный» ужин в откровение. Или вы боитесь, что вашему блюду нечего будет сказать в дуэте с хорошим вином?

Он резко обернулся. Глаза его потемнели, став почти чёрными. Он шагнул к ней, сократив расстояние до неприличного, опасного минимума. Она почувствовала исходящий от него жар — жар плиты и его собственного тела — и сложный аромат розмарина, чеснока и табака. Он нависал над ней, подавляя ростом и той животной энергетикой, что была через край.

— А вы не боитесь, что ваше драгоценное вино не выдержит конкуренции с моей сковородой? — тихо, почти ласково спросил он. — Я смотрю, вы любите всё усложнять. Но жизнь, знаете ли, проще. И вкуснее.

Алиса не отступила, хотя сердце колотилось где-то у горла. Она чувствовала исходящую от него опасность, но какая-то часть её, та самая, что заставила её сбежать из столицы, требовала этой схватки.

— Вкус — это не просто соль и перец, шеф. Это опыт, воспоминание, эмоция. И сомелье — его проводник.

— Проводник? — он хмыкнул. — Я больше доверяю инстинктам, чем проводникам.

Он отступил так же резко, как и приблизился, и вернулся к своему рабочему месту, потеряв к ней всякий интерес.

Алиса поняла, что первое сражение проиграно. Она вышла с кухни, чувствуя, как горят щёки. В зале она нашла маленькую дверь, ведущую на открытую террасу, и вышла под дождь. Ей нужно было остыть.

В лицо ударил порыв солёного ветра. Море, серое и беспокойное, сливалось на горизонте с таким же серым небом. Волны с методичной яростью разбивались о скалы у подножия ресторана, и мелкие брызги долетали до террасы, оседая на губах солёной пылью. Она слизнула эту горечь и почувствовала, как к горлу подступает ком. Ради этого места она отказалась от всего. Перечеркнула прошлое. А теперь её тут не принимают.

Ей захотелось срочно перебить этот вкус — вкус соли, разочарования и чужой неприязни. Вспомнив, что в боковом кармане пальто у неё лежит плитка тёмного шоколада, которую она машинально купила на вокзале, Алиса достала её. Шоколад был твёрдым от холода. Она отломала неровный квадратик и положила в рот.

Какао раскрывалось медленно: сначала терпкое, сухое, с едва уловимой кислинкой вяленой вишни. Она ждала привычного бархатного успокоения, но шоколад, смешавшись с вездесущей солью на её губах, создал совершенно новый, неожиданный оттенок. Он не обволакивал, а царапал нёбо, оставляя вязкое, горьковатое послевкусие. Вкус обещания, которое с самого начала отдаёт разочарованием. Вкус столкновения.

Она смотрела на беснующееся море и понимала: она увязла. В этом городе, в этом ресторане на скале и в этом противостоянии с человеком, чьи глаза обещали быть такими же тёмными, бушующими и неприветливыми, как вода у подножия «Шторма». Сухое, терпкое послевкусие никак не желало исчезать, напоминая, что этот поток жизни будет долгим, трудным и, возможно, самым важным в её карьере. Или в её сердце.

Глава 2. Кислый лимон на порезах

Утро выдалось таким же серым и неприветливым, как и вчерашний вечер. Море за стенами «Шторма» тяжело вздыхало, словно никак не могло проснуться после долгой ночи, а ветер, залетая в щели старых оконных рам, гудел протяжно и тоскливо. Алиса стояла перед массивной, обитой железными полосами дверью, ведущей в винный погреб, и чувствовала, как внутри неё самой закипает мрачная, упрямая решимость. Вчерашнее поражение в словесной дуэли с шеф-поваром не сломило её, а лишь укрепило желание доказать всем, и в первую очередь этому наглому, самоуверенному Марку, что она здесь не просто так.

Она повернула тяжёлый кованый ключ, доставшийся ей от Анны Петровны вместе с напутствием «навести там наконец божий порядок», и дверь с протяжным скрипом отворилась, выпуская наружу волну спёртого, влажного воздуха. В лицо повеяло запахом холода, сырости, старой плесени и тем особым, ни с чем не сравнимым ароматом винного камня и дубовых бочек, который опытный сомелье узнает из тысячи. Алиса сделала шаг вниз по стёртым каменным ступеням, и тьма сгустилась вокруг неё.

Погреб оказался именно таким, каким она его себе и представляла, читая восторженные, но полные недоумения отзывы о винной карте «Шторма». Огромное помещение со сводчатыми потолками уходило вглубь скалы, на которой стоял ресторан. Стены, сложенные из грубого, неотёсанного камня, блестели от конденсата, а кое-где с них свисали тонкие нити паутины, колышущиеся от невидимого сквозняка. Вдоль стен тянулись бесконечные ряды деревянных стеллажей, заставленных бутылками. Но в каком они были состоянии!

Алиса медленно шла вдоль рядов, и её брови всё выше поднимались от профессионального ужаса. Бутылки стояли вперемешку — старые французские Гран Крю соседствовали с молодыми, никому не известными местными винами, привезёнными, видимо, по случаю. Многие лежали не горизонтально, а стояли, и пробки на них угрожающе пересохли. Слой пыли на некоторых был таким толстым, что невозможно было прочитать этикетку. Где-то капала вода, создавая монотонный, действующий на нервы ритм. Это был не погреб, а кладбище забытых сокровищ, и сердце Алисы, влюблённое в порядок и системность, сжималось от тоски.

— Ну конечно, — прошептала она, проводя пальцем по пыльной поверхности одной из полок. — Где нет системы, там нет и уважения к вину. Повар свято верит только в свою скороду...

Она решительно скинула пальто, повесила его на старый гвоздь у входа, закатала рукава белой блузки и принялась за работу. Первым делом — инвентаризация. Она достала блокнот и ручку, включила фонарик на телефоне и начала планомерно, ряд за рядом, описывать содержимое погреба, сортируя бутылки по регионам, годам и состоянию. Работа была монотонной и холодной, но она успокаивала, позволяла отвлечься от мыслей о вчерашнем столкновении.

Чем глубже она заходила в погреб, тем более странные находки ей попадались. Она обнаружила несколько бутылок, которые давно превратились в уксус, стоящих бок о бок с редкими, коллекционными экземплярами, способными украсить аукцион «Сотбис». Это было безумие. И посреди этого хаоса, в самом дальнем, самом тёмном углу, освещаемом лишь одинокой, тусклой лампочкой, она заметила бутылку, стоящую отдельно от остальных.

Она была помещена в небольшой деревянный ящичек, задвинутый в нишу между двух стеллажей, словно спрятанный от посторонних глаз. Алиса, движимая любопытством, подошла ближе. Бутылка была покрыта толстым слоем пыли, этикетка, когда-то, видимо, красивая, почти полностью истлела. Она наклонилась, чтобы разглядеть её получше. Единственное, что можно было различить — это выполненный от руки, выцветшими чернилами, какой-то вензель на горлышке. Она взяла бутылку в руки. Стекло было ледяным и скользким от конденсата.

И в этот момент произошло то, что впоследствии Алиса будет прокручивать в голове тысячу раз. То ли пальцы, замёрзшие от работы в холоде, дрогнули, то ли она сама, увлечшись разглядыванием, потеряла бдительность, но бутылка выскользнула из её рук. Секунда свободного падения, показавшаяся вечностью, и...

Звук разбившегося стекла прогремел в тишине погребца как выстрел. Он разлетелся на тысячи осколков, многократно усиленный каменными сводами, и, казалось, от него содрогнулись сами стены. Густая, тёмно-рубиновая жидкость, похожая на венозную кровь, растеклась по каменному полу, мгновенно наполнив воздух одуряющим, пьянящим ароматом старого вина, смешанным с запахом сырой земли.

Алиса замерла, прижав руки ко рту. Сердце рухнуло в пятки. Она смотрела на осколки, на расплывающуюся лужу, и не могла пошевелиться. Её профессиональный ум тут же зафиксировал детали: цвет, густота, аромат... Это было не просто вино. Это было нечто невероятно старое, невероятно дорогое и, скорее всего, совершенно незаменимое. Ужас ледяной рукой сжал её внутренности.

Дверь в погреб с грохотом распахнулась. На верхней ступеньке, залитый тусклым светом из коридора, стоял Марк. Его тень гигантским чёрным пятном упала на пол. Он не спрашивал, что случилось. Он уже всё понял по звуку.

Он медленно, словно хищник, спустился вниз. Алиса видела, как его лицо, бывшее по утрам просто хмурым, сейчас превращается в маску холодной, безжалостной ярости. Его взгляд скользнул по луже, по осколкам, по её бледному лицу, и в нём не было ничего, кроме уничтожающего презрения. Тишина, повисшая в погребе, была страшнее любого крика.

— Что. Это. Такое? — произнёс он медленно, чеканя каждое слово. Его голос был тих, но в нём звенела такая сталь, что Алиса невольно сделала шаг назад.

— Я... я нечаянно, — пролепетала она, ненавидя себя за этот дрожащий, виноватый голос. — Она просто выскользнула...

— Нечаянно? — он шагнул к ней, и его глаза, тёмные, как само это вино, метали молнии. — Ты хоть понимаешь, что ты сделала? Это была не просто бутылка. Это был «Шато Марго» 1900 года. И он принадлежал мне. Лично. Мне его подарил человек, который научил меня готовить. Мой учитель. За месяц до смерти.

Алиса прикрыла глаза. Хуже и быть не могло. Чувство вины обрушилось на неё девятым валом, смывая остатки её утренней решимости и оставляя только жгучий стыд.

— Простите... — прошептала она. — Я не знала. Я хотела навести порядок, я искала...

— Порядок?! — взорвался Марк. Его голос эхом разнёсся под сводами. — Ты здесь неделю, а уже крушишь то, что создавалось десятилетиями! Ты пришла сюда со своими московскими замашками, со своими чёткими протоколами и думаешь, что можешь всё перекроить под себя! Но ты — никто! Ты — дилетантка с бокалом, которая не чувствует жизнь ни в вине, ни в еде! Твоя работа — обнюхивать пробки и важно кивать, а здесь, — он ткнул пальцем в разбитые осколки, — была история! Кусок души! А ты просто её уничтожила своей неуклюжестью!

Каждое его слово било наотмашь, хлестало по самолюбию, по профессиональной гордости. Алиса стояла, вжав голову в плечи, не в силах возразить. Ведь по большому счёту он был прав. Она совершила непростительную ошибку. Слёзы жгли глаза, но она держалась из последних сил, не позволяя себе расплакаться перед ним.

Не сказав больше ни слова, Марк резко развернулся и взбежал вверх по ступеням, с силой захлопнув за собой дверь. Алиса осталась одна. В темноте. В окружении осколков и пропитанного вином воздуха. Ей потребовалось несколько минут, чтобы прийти в себя. Дрожащими руками она подняла с пола осколок с уцелевшим фрагментом этикетки. Буквы расплывались, но она увидела год — 1900. Сомнений не было.

Она заставила себя собрать осколки, вытереть лужу, но запах старого, мёртвого вина никак не выветривался, пропитывая её одежду, волосы и, казалось, саму душу. Ей нужно было выйти отсюда. Нужно было найти в себе силы посмотреть ему в глаза и попытаться искупить свою вину. Не словами — делом.

Выйдя из погреба, она направилась на кухню. Ещё из коридора она услышала грохот, а приблизившись к двери, почувствовала резкий, пронзительный запах. Запах цитрусовых. Такой концентрированный, что у неё тут же засвербело в носу.

Она осторожно приоткрыла дверь. Картина, представшая её глазам, была красноречивее всяких слов.

Марк стоял у рабочего стола. Вокруг него громоздились горы лимонов. Целые, половинки, четвертинки. Он работал с какой-то яростной, иступлённой скоростью. Его нож мелькал в воздухе, превращая жёлтые плоды в тончайшие ломтики, в аккуратные кубики, выжимая из них сок с такой силой, словно хотел выжать саму душу из своего обидчика. Огромная кастрюля на плите кипела, выбрасывая в воздух облака едкого пара, настоящего на лимонной цедре. Запах был всепоглощающим. Он был не просто кислым, он был агрессивным, язвительным, от него сводило скулы и начинало жечь в горле.

Это было демонстративно. Это было наказание. Своим острым ножом и кислым лимоном он вымещал на продуктах ту злость, которую хотел выплеснуть на неё.

— Шеф, — тихо позвала она.

Он даже не обернулся. Только спина его напряглась под белой курткой.

— Уйдите, Вергинская, — бросил он сквозь зубы, продолжая резать. — От вас несёт старым вином и виной. Меня тошнит от этого сочетания.

— Я хочу загладить вину, — она сделала шаг вперёд, борясь с желанием зажать нос. Кислота, казалось, разъедала воздух, мешала думать. — Не пустыми извинениями. Я знаю, что потеря невозможна. Но я могу предложить вам нечто равноценное в профессиональном смысле.

Марк на секунду замер, и снова заработал ножом.

— Равноценное? — он горько усмехнулся. — Вы даже вино в руках удержать не можете. Что вы можете мне предложить, кроме очередного разбитого бокала?

— Вкус, — сказала Алиса, набравшись смелости. — Новый, абсолютно гениальный вкус. Сочетание, которое вы никогда не пробовали. И которое может стать вашим фирменным секретом. Устрицы и нефильтованное саке.

Её слова повисли в воздухе, перебивая даже вездесущий запах лимона. Марк медленно отложил нож и, наконец, повернулся. В его глазах всё ещё горел гнев, но сквозь него пробивалась искорка профессионального любопытства.

— Устрицы и саке? — переспросил он с откровенным скепсисом. — Вы в своём уме? Солёный, йодистый ликёр моря и рисовое вино? Это безграмотно.

— Это гениально, — твёрдо возразила Алиса, чувствуя, что ступает на свою территорию. — Свежая, хрустящая устрица сорта «Жийярдо» и молодое, непастеризованное саке «Намачоко». Умами саке идеально ложится на йодистую сладость моллюска. Это взрыв. Это океан и рисовое поле. Жизнь и смерть в одной раковине. Попробуйте. Если я ошибаюсь — я уволюсь сегодня же.

Вызов был брошен. Марк смотрел на неё долгим, изучающим взглядом. Он молчал, и гнев в его лице постепенно сменялся чем-то другим. Чем-то похожим на уважение сквозь стиснутые зубы. Наконец он взял с прилавка половинку лимона и поднес её к носу, глубоко вдохнул резкий, очищающий аромат, словно пытаясь привести мысли в порядок.

— Завтра, — отрезал он. — Утром. Принесёте саке. Устрицы будут. Посмотрим, на что вы способны, кроме битья посуды.

Он снова отвернулся к своей плите, давая понять, что разговор окончен. Алиса вышла из кухни, чувствуя, как дрожат колени. Во рту у неё стоял стойкий, металлический привкус — привкус лимонной кислоты и собственной крови из прикушенной в напряжении губы. Она проиграла битву. Но война ещё не была окончена. У неё был один выстрел. И завтра она либо попадет в самое сердце его кулинарного любопытства, либо навсегда покинет «Шторм» с позором. Вкус кислого лимона на порезах оставленной им гордости стал для неё обещанием будущей, более сладкой победы.

Глава 3. Умами: Пятый элемент

Ночь перед испытанием Алиса почти не спала. В маленькой съёмной квартире на окраине городка, где единственными звуками были завывания ветра да мерный стук дождя по жестяному подоконнику, она сидела, скрестив ноги на холодном полу, и смотрела на бутылку саке, которую привезла с собой из Москвы. Это была её страховка, её туз в рукаве. «Нама-чоко» — нефильТРованное, живое саке, которое она выторговала у знакомого японского импортёра за баснословные деньги. Оно никогда не предназначалось для ресторанной карты. Она везла его для себя, как напоминание о том, что в мире ещё остались вещи, способные удивить её саму.

Теперь эта бутылка стала её последней надеждой.

Утром, когда первые робкие лучи холодного октябрьского солнца пробились сквозь плотные тучи, Алиса уже стояла на пороге кухни «Шторма». В руке она держала бутылку, завернутую в ткань, как младенца. Она знала, что рискует, но другого шанса у неё не было.

Кухня встретила её непривычной тишиной. Плиты были выключены, вытяжка молчала, и только мерный стук ножа нарушал эту звенящую, напряжённую тишину. Марк стоял у разделочного стола, одетый в свежую куртку, с идеально чистыми руками, и неторопливо, почти медитативно распаковывал коробку с устрицами, которую ему доставили с утренним уловом.

— Вы пунктуальны, — произнёс он, не поднимая головы. Голос его звучал ровно, но Алиса уловила в нём нотку мрачного предвкушения. — Надеюсь, ваше саке столь же безупречно, сколь и ваша способность к разрушению.

— Оно безупречнее, — ответила Алиса, ставя бутылку на стол. — А моя «способность к разрушению» была единичным инцидентом, который я намерена сегодня полностью компенсировать.

Марк поднял глаза и встретился с ней взглядом. В них не было вчерашней ярости. Скорее, холодное, оценивающее любопытство. Он кивнул на её свёрток.

— Показывайте.

Алиса медленно, с почти ритуальной торжественностью, развернула ткань. Бутылка была неправильной формы — приземистая, пузатая, из матового стекла, сквозь которое просвечивала мутная, опалесцирующая жидкость. Она была не похожа ни на одно вино, которое Марк видел раньше. Никаких этикеток, только восковая печать на горлышке.

— Нефильтрованное саке «Нама-чоко», — произнесла она, и голос её зазвучал мягче, интимнее, словно она представляла публике не напиток, а живого, трепетного друга. — Его не греют и не охлаждают до экстремальных температур. Только комнатная температура. Оно живое. В нём всё ещё работают ферменты. У него короткая жизнь и яркая, как вспышка, судьба.

Марк скептически хмыкнул, но в его глазах мелькнуло нечто похожее на заинтересованность. Он взял бутылку в руки, повертел, рассматривая на свет, и Алиса заметила, как изменилось его лицо. Этот жест — внимательный, изучающий — выдавал в нём не просто повара-ремесленника, но человека, глубоко чувствующего продукт.

— Устрицы уже здесь, — сказал он, возвращая бутылку. — Я буду их открывать сам. Не хочу, чтобы вы порезались.

Это прозвучало как колкость, но Алиса уловила в ней заботу. Или что-то, что можно было принять за неё.

Марк взял специальный нож с коротким лезвием и подошёл к раковине, где на колотом льду лежали устрицы. Их тёмные, грубые раковины, похожие на осколки скал, блестели от влаги и пахли океаном — тем самым запахом, который Алиса впервые вдохнула, сойдя с автобуса. Запахом начала.

Движения Марка были отточены до автоматизма, но сейчас в них не было той кухонной спешки, которую она видела вчера. Он работал медленно, уважительно. Ввёл кончик ножа в замок раковины, мягко повернул, разрывая мускул-замыкатель. Послышался тихий, влажный всхлип. Створки разомкнулись, обнажая перламутровое нутро.

Алиса смотрела как заворожённая. Она видела, как открывают устрицы десятки раз, но то, как это делал Марк — с какой-то хирургической нежностью — заставило её сердце биться чаще. Он не просто открывал моллюска, он освобождал его. Его пальцы, такие грубые и сильные снаружи, касались нежного тела устрицы с поразительной деликатностью.

— Готово, — сказал он, выкладывая открытые раковины на блюдо. — Теперь ваша очередь, сомелье.

Алиса взяла бутылку sake. Руки её слегка дрожали, но когда она коснулась прохладного стекла, профессиональное спокойствие снизошло на неё. Она аккуратно срезала восковую печать, извлекла пробку и налила sake в два маленьких керамических стаканчика, которые предусмотрительно захватила с собой. Жидкость была мутной, молочно-белой, с лёгким перламутровым отливом. Аромат, поднявшийся от стаканчиков, был сложным и неожиданным: дрожжевая свежесть, белые цветы, зелёное яблоко и что-то ещё, неуловимое, земное, напоминающее запах мокрого рисового поля после дождя.

Она протянула один стаканчик Марку.

— Сначала sake. Один глоток. Дайте ему раскрыться на языке. Потом устрица. Не жуйте её. Просто дайте ей растаять. И потом — ещё один глоток sake.

Марк взял стаканчик. Их пальцы на мгновение соприкоснулись, и Алиса почувствовала электрический разряд, пробежавший от кончиков пальцев до самого сердца. Она отдёрнула руку быстрее, чем следовало, и сделала вид, что поправляет волосы.

Они стояли друг напротив друга у разделочного стола. Двое профессионалов. Двое соперников. Двое людей, связанных одной страстью. И в этот момент на кухне не было никого, кроме них и того, что должно было сейчас произойти.

— Ну, — произнёс Марк, поднимая стаканчик с ироничной полуулыбкой, — за вашу реабилитацию.

Он поднёс стаканчик к губам и сделал глоток.

Алиса наблюдала за ним, затаив дыхание. Она видела, как sake проникает в его рот, как на мгновение замирают его губы, как движется кадык при глотке. Видела, как расширяются его зрачки.

Первое, что произошло — это тишина. Марк замер. Его глаза, только что смотревшие с иронией, вдруг стали глубже, темнее. Он не двигался, позволяя жидкости растекаться по языку, обволакивать нёбо, проникать в каждую клеточку. Его губы чуть приоткрылись, будто он хотел что-то сказать, но не мог найти слов.

— Что вы чувствуете? — спросила Алиса, и её собственный голос показался ей чужим.

— Сливочность... — медленно произнёс Марк, всё ещё глядя куда-то в пространство. — Рисовая каша. Грибы. Какие-то... лесные грибы после дождя. И сладость. Не сахарная. Живая. Как...

— Как лактоза в материнском молоке, — тихо закончила она.

Он посмотрел на неё так, словно впервые увидел. В этом взгляде не было враждебности. Было потрясение.

— Да, — сказал он почти шёпотом. — Именно так.

— Теперь устрица, — напомнила Алиса, сама беря одну из раковин. — И сразу после неё — ещё глоток. Не ждите.

Марк взял раковину в левую руку. Поднёс к губам. И одним плавным движением отправил содержимое в рот.

Алиса сделала то же самое.

Устрица была холодной, упругой, солёной. Она скользнула на язык, как кусочек живой воды, и Алиса почувствовала, как её рот наполняется вкусом океана — йод, минералы, сладкая плоть. Она не жевала, как и учила Марка, а просто позволила устрице таять, отдавая свою суть. — Теперь sake, — прошептала она.

Они одновременно поднесли стаканчики к губам и сделали по глотку.

И тогда произошло чудо.

То, что случилось у Алисы во рту, не поддавалось никакому рациональному описанию. Это был не просто вкус. Это была синестезия, взрыв ощущений, каскад образов. Sake, встретившись с остатками устрицы, не просто смешалось с ними — оно вступило с ними в химическую реакцию. Йодистая соль океана исчезла, и на её месте родилось нечто третье. Не рыба и не рис. Что-то новое, невозможное, всеобъемлющее. Вкус, который не был ни солёным, ни сладким, ни кислым, ни горьким. Это был умами — пятый элемент. Плотный, обволакивающий, мясной и одновременно эфемерный. Вкус, который, казалось, можно было жевать. Вкус самой жизни.

Алиса открыла глаза (она не заметила, когда успела их закрыть) и увидела, что Марк стоит, опершись руками о разделочный стол. Его глаза были закрыты. На лице застыло выражение, которого она никогда раньше не видела у людей: смесь благоговения, удивления и какой-то детской, незащищённой радости. Шеф-повар, циник, человек, который вчера орал на неё так, что дрожали стены, сейчас выглядел как человек, только что переживший откровение.

Она понимала его. Потому что чувствовала то же самое.

— Боже мой, — выдохнул Марк, открывая глаза. — Что это было?

— Умами, — ответила Алиса, и её голос дрожал от эмоций. — Пятый вкус. Глутамат натрия в чистом, природном виде. То, что содержится в сыре пармезан, в соевом соусе, в грибах шиитаке. И в этом sake. И в этих устрицах. Когда они встречаются, они не складываются — они умножаются.

Марк смотрел на неё. Смотрел долго, пристально, и в его взгляде происходила какая-то внутренняя борьба. Соппротивление. Признание. И что-то ещё — что-то, что заставило Алису внезапно осознать, что она стоит слишком близко к нему, что она чувствует запах его кожи и видит крошечный шрам над его левой бровью.

— Вы... — начал он и осёкся. — Это было... я не могу подобрать слово.

— Я знаю, — просто сказала она.

Они стояли в тишине, и эта тишина была уже не враждебной, а наполненной. Наполненной тем, что только что произошло, и тем, что ещё не было сказано.

— Я должен извиниться, — сказал Марк неожиданно. Его голос звучал хрипло, и он отвёл взгляд. — За вчерашнее. Я был груб.

— Я разбила ваше вино, — тихо ответила Алиса. — У вас было право злиться.

— Злиться — да. Унижать — нет. — Он снова посмотрел на неё. — Это было непрофессионально. Я не привык, чтобы кто-то указывал мне, что делать на моей кухне. Но вы не указывали. Вы предлагали. А я не слушал.

Алиса не знала, что ответить. Она ожидала чего угодно — триумфа, подтверждения своей правоты, — но не этого. Не тихого, искреннего раскаяния от человека, который казался высеченным из камня.

— Спасибо, — сказала она наконец.

— За что?

— За то, что попробовали. За то, что дали мне шанс.

Марк вдруг улыбнулся. И от этой улыбки, неожиданно открытой и тёплой, его лицо преобразилось. Исчез хмурый шеф-повар, исчез циник, и на мгновение показался тот самый гатрблоггер, который когда-то люблял в еду миллионы подписчиков — открытый, страстный, живой.

— Как я мог не дать вам шанс после такого? — он кивнул на пустые устричные раковины. — Это сочетание... оно гениально. Действительно гениально. Я готовил двадцать лет, но ничего подобного не пробовал.

Алиса почувствовала, как тёплая волна поднимается в груди. Не от похвалы (хотя и от неё тоже), а от того, что он понял. По-настоящему понял то, что она хотела сказать.

— Значит, перемирие? — спросила она, протягивая руку.

— Перемирие, — он взял её руку в свою, и на этот раз прикосновение было не мимолётным и не случайным. Его ладонь была тёплой, широкой, с характерными мозолями от ножа, и от этого простого пожатия у Алисы снова что-то ёкнуло внутри.

Она отдернула руку. На этот раз чуть менее поспешно.

— Я хочу включить это в меню, — сказал Марк, возвращаясь к рабочему столу и начиная убирать раковины. — Устрицы с sake. Как аперитив. Эксклюзивная позиция.

— Sake трудно доставать, — заметила Алиса. — Оно нефilterованное, скоропортящееся.

— Значит, доставайте, — он бросил на неё короткий взгляд. — Вы же сомелье. Ваша работа — находить то, чего нет у других.

Она усмехнулась. Знакомая нотка вызова снова появилась в его голосе, но теперь она не раздражала, а скорее забавляла.

— Значит, будем спорить о логистике? Это следующий этап?

— Мы о ней не спорим. Мы её обсуждаем. — Марк вдруг остановился и посмотрел на неё с выражением, которое она не могла расшифровать. — Я могу задать вам один вопрос? Личный.

— Задавайте, — Алиса напряглась.

— Почему вы уехали из Москвы? У вас была карьера, имя, репутация. И вы променяли это на сырой погреб в богом забытом ресторане. Почему?

Вопрос застал её врасплох. Она не была готова к такому — не сейчас, не от него. Слишком рано. Слишком глубоко.

— Это сложно, — ответила она уклончиво. — Скажем так: в Москве было слишком много шума. И слишком много... огня.

— Огня? — переспросил Марк, и его взгляд стал острее.

— Это метафора, — быстро сказала Алиса. — Шумный город, стресс, конкуренция. Я выгорела. Захотелось тишины.

Он кивнул, но по его глазам она видела, что он не поверил до конца. Впрочем, он не стал настаивать. За это она была ему благодарна.

— А вы? — спросила она в свою очередь. — У вас был успешный блог, миллионы просмотров. Почему вы бросили всё и уехали сюда?

Марк помолчал. Он взял одну из оставшихся устричных раковин и повертел её в пальцах.

— По той же причине, что и вы, — сказал он наконец. — Выгорание. Только другого рода. Я перестал чувствовать вкус.

— Вкус?

— Да. Еды. Жизни. Всего. — Он говорил медленно, подбирая слова. — Когда готовишь на камеру, когда каждый твой обед — это шоу, когда ты думаешь не о том, как раскрыть продукт, а о том, как это будет выглядеть в кадре... еда умирает. Она становится картинкой. У меня были миллионы подписчиков, контракты, деньги. И однажды я посмотрел на тарелку супа, которую только что приготовил, и понял, что не хочу её пробовать. Вообще. Ничего не хочу.

Он замолчал, и Алиса видела, как тяжело даётся ему это признание.

— И тогда я уехал, — продолжил он. — Сюда. К морю. Где еда — это просто еда. Где нет камер, нет продюсеров, нет этого вечного: «Марк, улыбнись, ты в кадре!» Только я, продукты и огонь.

Он произнёс последнее слово, и Алиса вздрогнула. Огонь. Снова он. Снова это слово, от которого у неё холодели пальцы. Но Марк не заметил её реакции. Он смотрел куда-то в сторону плит, и лицо его было задумчивым и немного печальным.

— Значит, мы оба беглецы, — тихо сказала Алиса.

— Да, — он повернулся к ней и вдруг улыбнулся своей кривоватой, мальчишеской улыбкой. — Только я бежал от фальши, а вы — от шума. Интересно, от чего мы побежим дальше?

— Может, мы останемся? — спросила она, и её голос прозвучал более интимно, чем она хотела.

Марк посмотрел на неё. Долго. Внимательно. Так, что она почувствовала, как краснеет.

— Может быть, — сказал он тихо. — Посмотрим.

Вечером Алиса сидела на террасе «Шторма», закутавшись в пальто, и смотрела, как солнце медленно опускается в море. Закат был холодным, осенним, но от этого не менее красивым: серое небо прорезали полосы алого и золотого, и вода отражала их, создавая иллюзию того, что океан горит. В руках у неё был бокал того самого sake — остатки, которые она не стала убирать в погреб.

Она думала о Марке. О том, как изменилось его лицо, когда он попробовал устрицу с sake. О том, как он извинялся — неловко, с трудом, но искренне. О том, как его руки, такие грубые снаружи, касались устричной раковины с нежностью, от которой у неё что-то переворачивалось внутри.

«Прекрати», — сказала она себе. — «Он просто коллега. Трудный коллега, который наконец-то начал с тобой нормально общаться. Не придумывай лишнего».

Но она не могла перестать думать. Не могла перестать вспоминать этот момент — когда они стояли друг напротив друга, и вкус умами взрывался у них на языках, и мир вокруг на секунду перестал существовать.

Вкус. В нём было всё. Вражда и прощение. Спор и согласие. Океан и рисовое поле. Она и он.

Алиса сделала глоток sake и посмотрела на догорающий закат. Где-то на кухне, она знала, Марк всё ещё работал — готовил ужин для немногочисленных осенних гостей. Она слышала далёкий грохот сотейников, шипение масла, и в этих звуках ей чудилась музыка. Музыка места, которое медленно, но верно становилось домом.

«Интересно, — подумала она, — имеет ли этот день такой же вкус для него, как для меня?»

Она не знала ответа. Но впервые за долгое время ей хотелось это выяснить.

Глава 4. Сладость запретного

Утро субботы выдалось на удивление ясным. Октябрьское солнце, обычно прячущееся за плотной пеленой облаков, сегодня решило напомнить о себе, заливая приморский городок холодным, но ярким золотом. Воздух был прозрачным и хрустящим, как тонкий лёд на лужах, а ветер, наконец-то утихший, пах не штормом, а прелой листвой и далёким дымком чьих-то печей.

Алиса стояла у входа в ресторан, кутаясь в мягкий кашемировый шарф, и ждала. Анна Петровна ещё вчера предупредила, что суббота — день закупок, и что Марк обычно ездит на ферму за сырами сам, без помощников, потому что «никто не может выбрать правильную рикотту, кроме него». Алиса, услышав это, вызвалась поехать с ним. Ей нужно было понять местных поставщиков, изучить терруар не только с точки зрения вина, но и с точки зрения продуктов. Так она объяснила своё решение хозяйке. Так она объяснила его и себе самой.

Но где-то глубоко внутри, в том месте, куда она боялась заглядывать, она знала, что причина была иной. Ей хотелось увидеть Марка вне кухни. Вне их профессионального противостояния. Там, где он не шеф-повар, а просто человек.

Старый пикап Марка, потрёпанный «Ленд Ровер» цвета выцветшего хаки, вырлил из-за угла с рычанием, которое больше подошло бы какому-нибудь доисторическому зверю, чем автомобилю. Он остановился прямо перед ней, и Марк, перегнувшись через пассажирское сиденье, открыл дверь.

— Запрыгивайте, сомелье. Ферма ждать не будет. У коз, знаете ли, строгий график дойки.

Голос его звучал бодро, почти весело, и Алиса поймала себя на том, что улыбается в ответ. Она забралась в кабину, и её тут же окутало смесью запахов: старый табак, кофе, машинное масло и что-то ещё — чистый, мужской запах, который она уже начала ассоциировать с Марком.

— А вы всегда заводите машину так, будто она вот-вот взлетит? — спросила она, пристёгиваясь.

— Эта старушка? — Марк ласково похлопал по приборной панели. — Она не летает. Она рычит. Познакомьтесь, это Марта. Моя единственная верная спутница последних трёх лет.

— Марта? — Алиса усмехнулась. — Вы даёте имена машинам?

— Только тем, которые этого заслуживают. Марта спасла мне жизнь дважды: один раз — когда я застрял в горах во время снегопада, второй — когда я пытался сбежать от съёмочной группы в Тоскане.

— Вы сбежали от съёмочной группы?

— Длинная история, — отмахнулся Марк, вырливая на просёлочную дорогу, ведущую прочь от города. — Расскажу как-нибудь за бокалом вина. Кстати, о вине — вы взяли с собой что-нибудь интересное?

— А вы планируете пикник?

— Я планирую дегустацию. Сыр без вина — это как... — он задумался, подбирая метафору.

— Как устрица без саке? — подсказала Алиса.

Марк рассмеялся. Это был первый раз, когда она слышала его смех — не ироничный смешок, не саркастическое хмыканье, а настоящий, открытый, идущий откуда-то из глубины груди звук. От неожиданности она замерла, чувствуя, как по спине бегут мурашки. У него был красивый смех. Заразительный. Опасный.

— Именно, — сказал он, всё ещё улыбаясь. — Как устрица без саке. Вы меня поняли.

Дорога бежала вдоль побережья, то ныряя в редкие рощицы голых, скрюченных ветрами деревьев, то снова выныривая к морю. Солнце играло на воде, рассыпаясь тысячами ослепи-

тельных бликов, и Алиса поймала себя на том, что наслаждается этой поездкой. Просто едет в старом пикапе, слушает урчание мотора и смотрит на мелькающий за окном пейзаж. Давно она не позволяла себе такой простой, безыскусной радости.

— Почему вы выбрали именно это место? — спросил Марк, не отрывая взгляда от дороги. — Я имею в виду, городок. Море. Осень. Это не самое очевидное место для бегства.

— А какое самое очевидное?

— Ну, Таиланд. Бали. Тоскана, в конце концов. Там хотя бы тепло.

Алиса пожала плечами.

— Я не люблю очевидное. И я не люблю тепло. От тепла я... теряю концентрацию.

— А от холода?

— От холода я просыпаюсь. — Она повернулась к нему и вдруг спросила: — А вы? Почему именно здесь? Разве для бегства от славы не лучше подошла бы какая-нибудь альпийская деревушка, где вас никто не знает?

Марк помолчал, переключая передачу на крутом подъёме.

— Меня здесь тоже никто не знал. Когда я приехал три года назад, местные приняли меня за городского сумасшедшего. Пришёл какой-то парень, хочет готовить еду в старом ресторане на скале. Анна Петровна была первой, кто поверил. Дал мне ключи от кухни и сказала: «Готовь. Если будет вкусно — останешься». И я остался.

— Значит, Анна Петровна — ваш ангел-хранитель?

— Можно и так сказать. — Он усмехнулся. — Хотя у неё скорее характер демона. Вы ещё увидите её в гневе, когда кто-то задерживает поставки.

— Уже видела, — призналась Алиса. — В мой первый день. Она разносила рыбного поставщика по телефону так, что чуть трубка не расплавилась.

— И вы не сбежали?

— Я из Москвы. Там такие разговоры — обычный вторник.

Марк снова рассмеялся, и Алиса поймала себя на том, что ей хочется смешить его снова и снова. Это было опасное желание.

Через полчаса езды пикап свернул на узкую грунтовую дорогу, обсаженную старыми яблонями. Ветви деревьев, голые и корявые, сплетались над головой, образуя ажурный туннель. В конце туннеля показался дом — большой, деревянный, с красной черепичной крышей и широким крыльцом, на котором грелся на солнце старый рыжий кот. За домом виднелись хозяйственные постройки, а дальше, на склоне холма, паслись козы — белые, пушистые, с колокольчиками на шеях, чей мелодичный звон разносился далеко по округе.

— Ферма «Солнечный холм», — объявил Марк, паркуя машину. — Владелица — Эльза. Немка, переехавшая сюда двадцать лет назад. Говорит с акцентом, варит лучший козий сыр в радиусе трёхсот километров и терпеть не может, когда кто-то опаздывает. Так что выходим быстро.

Из дома, словно почувствовав их прибытие, уже выходила женщина. Высокая, статная, с серебряными волосами, собранными в тугий пучок, и лицом, которое могло бы принадлежать античной статуе — резкие, благородные черты, пронзительные голубые глаза. Одета она была в простой шерстяной свитер и рабочие брюки, но держалась с достоинством герцогини.

— Марк! — воскликнула она с явственным немецким акцентом, широко раскрывая объятия. — Ты опоздал на семь минут. Я уже начала думать, что ты попал в аварию.

— И тебе доброе утро, Эльза, — Марк обнял её в ответ, и Алиса заметила, с какой теплотой он это делает. — Это Алиса, наш новый сомелье. Алиса, это Эльза. Если бы не она, моя кухня лишилась бы половины своего вкуса.

— О, новая сомелье! — Эльза окинула Алису оценивающим взглядом, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. — Я слышала, вы спорите с Марком. Это хорошо. Ему нужно, чтобы кто-то спорил. Иначе он становится невыносимым.

— Эй! — возмутился Марк, но без настоящей обиды.

— Я говорю правду, — невозмутимо продолжила Эльза. — Пойдёмте, я покажу вам сыры. Сегодня у меня особенно удалась рикотта.

Сырный погреб Эльзы был полной противоположностью винного погреба «Шторма». Здесь царили идеальная чистота, порядок и тот особый, благородный запах выдержанного сыра, который знатоки ценят не меньше, чем аромат старых вин. На деревянных стеллажах рядами лежали головки сыра всех форм и размеров — от маленьких, покрытых белой плесенью козых «шариков» до массивных, твёрдых кругов, похожих на мельничные жернова.

— Вот, — Эльза взяла в руки небольшую, упругую головку, покрытую тонкой корочкой. — Козий камамбер. Выдержка три недели. Сердцевина должна быть кремовой, но не жидкой. Попробуйте.

Она отрезала тонкий ломтик и протянула Алисе. Сыр был прохладным, бархатистым, с характерным козьим ароматом — не резким, а деликатным, сливочным, с травяными нотами. Он таял на языке, оставляя долгое, обволакивающее послевкусие.

— Это великолепно, — искренне сказала Алиса. — К нему подойдёт Шенен Блан из долины Луары. Сухое, с минеральностью.

Эльза удивлённо подняла брови и переглянулась с Марком.

— А она понимает, — сказала Эльза. — Марк, ты смотри, не упусти эту женщину.

— Мы работаем вместе, — быстро сказала Алиса, чувствуя, как заливается краской.

— Я не о работе, — загадочно улыбнулась Эльза. — Ладно, давайте соберём заказ. Мне ещё мёд нужно показать. Мои пчёлы в этом году постарались на славу.

Через час, загрузив в пикап ящики с сырами, они двинулись дальше. Пасека Эльзы находилась на соседнем холме, в получасе ходьбы через поле. Марк предложил дойти пешком, и Алиса согласилась — слишком хороша была погода, чтобы запираться в машине.

Они шли по узкой тропинке, вьющейся среди пожухлой, но всё ещё золотистой травы. В воздухе витал запах сухих полевых цветов и чего-то ещё — сладковатого, тёплого. Алиса вскоре поняла, что это запах пчелиных ульев, доносящийся с пасеки.

— Вы любите мёд? — спросил Марк, шагая рядом.

— Люблю, — ответила Алиса. — Но пчёл... побаиваюсь.

— Пчёл? — он удивлённо посмотрел на неё. — Почему?

— Укусили в детстве. Несколько раз. С тех пор нервничаю, когда слышу жужжание. Глупо, правда? Сомелье, которая не боится шторма, но боится пчелы.

— Ничего глупого, — серьёзно сказал Марк. — У каждого свои страхи. Главное — не давать им управлять вашей жизнью.

— А вы чего боитесь? — спросила она, прежде чем успела подумать.

Марк замолчал. Они прошли ещё несколько шагов, прежде чем он ответил:

— Я боюсь пустоты. Не внешней — внутренней. Когда ты смотришь на тарелку еды, которую только что приготовил, и ничего не чувствуешь. Когда вкус исчезает. Я боюсь, что это вернётся.

Алиса не знала, что на это ответить. Она просто продолжала идти рядом с ним, и молчание между ними не было неловким. Оно было наполненным. Понимающим.

Пасека оказалась солнечным, жужжащим царством. Десятки разноцветных ульев стояли рядами среди зарослей розмарина и лаванды, и воздух здесь был густым от жужжания тысяч пчёл. Алиса невольно замедлила шаг, чувствуя, как внутри поднимается знакомая волна тревоги.

— Стойте здесь, — сказал Марк, заметив её состояние. — Я сейчас вернусь.

Он направился к небольшому сарайчику, где хранился инвентарь, и через минуту вернулся с двумя защитными сетками и одной рамкой, полной мёда.

— Вот, наденьте, — он протянул ей сетку. — С ней вас не укусят. И потом, пчёлы чувствуют страх. Если вы будете спокойны, они тоже будут спокойны. Это как с вином — если вы нервничаете, оно не раскроется.

— Вы сравниваете меня с вином? — она попыталась улыбнуться, но голос дрогнул.

— Я сравниваю всё с едой и вином. Это профессиональное, — он надел свою сетку и вдруг стал серьёзным. — Хотите побороть свой страх? Пойдёмте. Я покажу вам кое-что.

— Что?

— Доверьтесь мне.

Она колебалась лишь мгновение. Потом кивнула.

Они медленно пошли между ульями. Пчёлы гудели вокруг, некоторые пролетали совсем близко, но Алиса, следуя совету Марка, старалась дышать ровно. Он шёл впереди, указывая дорогу, и в какой-то момент остановился перед одним из ульев — большим, ярко-жёлтым, вокруг которого сновало особенно много полосатых тружениц.

— Видите? — он указал на леток улья. — Это рабочие пчёлы. Они возвращаются с нектаром. Посмотрите на их лапки — видите жёлтые комочки? Это обножка, пыльца. Они несут её в улей, чтобы кормить личинок.

Алиса, сама не ожидая от себя такой смелости, присела на корточки и стала наблюдать. Действительно: пчёлы одна за другой влетали в улей, деловитые, целеустремлённые, совершенно не обращающие внимания на людей. В их движении была какая-то гипнотическая гармония.

— Они не агрессивные? — шёпотом спросила она.

— Нет, если их не трогать. Пчёлы нападают только тогда, когда чувствуют угрозу улью. Это их дом. Они его защищают. Но если вы проявляете уважение — они вас не тронут. — Марк присел рядом с ней. — В этом они похожи на людей.

Она повернула голову и вдруг осознала, что их лица разделяет всего несколько сантиметров. Даже сквозь сетку она видела его глаза — тёмные, внимательные, с золотыми искорками от солнца. И в этих глазах было что-то такое, от чего её сердце пропустило удар.

— Смотрите, — сказал он тихо, протягивая руку к летку. — Сейчас здесь будет рой. Молодые пчёлы вылетают из улья. Это самое красивое, что можно увидеть на пасеке.

И действительно: через несколько секунд из улья начали вылетать пчёлы — не поодиночке, а целым облаком. Они кружились в воздухе, создавая живой, звенящий вихрь, и солнце просвечивало сквозь их крылья, превращая рой в текучее золото. Алиса замерла, забыв о страхе. Это было так красиво, что у неё перехватило дыхание.

— Они не опасны в рою, — продолжал Марк, и его голос звучал мягко, успокаивающе. — Они сыты, они ищут новый дом. Им не до нас.

Рой постепенно перемещался, смещаясь к старой яблоне на краю пасеки, и вскоре осел на одной из ветвей плотным, гудящим комом. Марк выпрямился и снял сетку. Алиса сделала то же самое.

— Ну как? — спросил он с улыбкой. — Всё ещё страшно?

— Уже меньше, — призналась она. — Это было... невероятно.

— Я же говорил. Страх проходит, когда понимаешь, на что смотришь. — Он вдруг полез в карман и достал небольшой пластиковый контейнер. — Держите. Это свежие соты. Эльза разрешила взять. Хотите попробовать?

Алиса посмотрела на соты — золотистые, истекающие густым, янтарным мёдом. Они пахли летом, цветами и чем-то ещё — тёплым, родным, детским.

— Прямо так? Руками?

— Только так и пробуют мёд, — заявил Марк. — Никаких ложек, никаких крекеров. Просто отломите кусочек и положите в рот.

Она взяла соту. Мёд был липким, он тут же потёк по пальцам, и Алиса, рассмеявшись, быстро поднесла его ко рту. Воск был мягким, податливым, а мёд... Мёд был божественным. Он взорвался на языке сладостью, которая не была приторной — в ней чувствовались ноты луговых трав, липового цвета, чего-то пряного, почти перечного. Это был вкус солнца, заключённого в золотую каплю.

— Боже мой, — выдохнула она. — Это...

— Я знаю, — кивнул Марк, отламывая себе кусочек. — Эльза говорит, что её пчёлы собирают нектар с диких трав, которые растут только здесь. Такого мёда больше нигде нет.

Алиса слизнула остатки мёда с пальцев, и в этот момент Марк, который тоже ел соты, случайно коснулся её руки. Это было мгновенное, невесомое прикосновение — его липкий от мёда палец скользнул по её запястью. И мир замер.

Искра, пробежавшая между ними, была почти физически ощутимой. Алиса резко вдохнула, чувствуя, как электрический разряд бежит вверх по руке к самому сердцу. Она подняла глаза и увидела, что Марк смотрит на неё. Смотрит совсем не так, как раньше. В его взгляде не было ни иронии, ни профессиональной оценки. Было что-то совсем другое — тёмное, голодное, опасное.

Он отдернул руку первым.

— Простите, — сказал он хрипло, отводя взгляд. — Я не хотел.

— Ничего, — ответила Алиса, и её собственный голос показался ей чужим, слишком высоким. — Это просто мёд. Он липкий.

— Да, — согласился Марк. — Просто мёд.

Они оба знали, что это была неправда. Что между ними только что произошло что-то, чего не должно было произойти. Что-то, что нарушало все правила профессиональных отношений. Что-то, что было одновременно страшным и сладким. Сладким, как запретный плод.

Они постояли так ещё несколько мгновений, разделённые неловким молчанием. Потом Марк откашлялся и сказал, глядя куда-то в сторону:

— Пойдёмте. Эльза, наверное, уже ждёт нас. Нам ещё нужно отвезти всё это в ресторан.

— Да, — кивнула Алиса. — Конечно.

Они молча пошли обратно к ферме. Солнце всё так же светило, пчёлы всё так же гудели, но что-то изменилось. Воздух между ними стал плотным, заряженным, и каждый шаг, каждое случайное касание рукавов теперь отдавалось в груди гулким эхом.

На обратном пути в машине они почти не разговаривали. Марк включил радио, и из динамиков полился старый блюз — хриплый голос пел о любви, которая приходит незваной и остаётся навсегда. Алиса смотрела в окно на пролетающие мимо поля и думала о том, что она только что совершила ошибку. Или нет? Может быть, ошибкой было бы не заметить этого? Не почувствовать? Не позволить себе эту маленькую, сладкую искру?

Когда пикап остановился у ресторана, Марк заглушил мотор и повернулся к ней.

— Спасибо, что поехали со мной, — сказал он. — Было... хорошо. Не работать, а просто. Просто быть.

— Мне тоже, — ответила она. — Давно так не было.

Он кивнул и вышел из машины. Алиса ещё несколько мгновений сидела в кабине, глядя на его удаляющуюся спину. Её пальцы всё ещё пахли мёдом. И она знала, что этот запах теперь всегда будет напоминать ей о сегодняшнем дне. О пчёлах. О страхе, который отступил. И о прикосновении, которого не должно было быть.

Вечером, лёжа в постели, она снова и снова прокручивала в голове этот момент. Его глаза. Его голос. Его палец, случайно коснувшийся её запястья. Она знала, что это опасно. Что нельзя смешивать работу и чувства. Что из этого никогда не выходит ничего хорошего.

Но мёд на её губах всё ещё был сладок. И запрет делал его только слаще.

Глава 5. Перец чили и адреналин

Утро понедельника началось не с кофе, а с тревожного звонка. Алиса, ещё не успевшая толком проснуться в своей съёмной квартире, схватила телефон и услышала в трубке взволнованный голос Анны Петровны:

— Алиса, срочно в ресторан. У нас форс-мажор.

Через двадцать минут она уже входила в зал «Шторма», где царил атмосфера, близкая к панике. Анна Петровна стояла у стойки администратора с телефонной трубкой в одной руке и каким-то списком в другой, а перед ней, скрестив руки на груди и мрачно сдвинув брови, возвышался Марк. При виде Алисы он коротко кивнул, и этот кивок был полон такой мрачной сосредоточенности, что у неё сразу же упало сердце.

— Что случилось? — спросила она, подходя ближе.

— Поставщик морепродуктов, — отрывисто бросила Анна Петровна, прикрывая трубку рукой. — У них сломалась холодильная камера. Вся партия на сегодня — креветки, гребешки, кальмары — испорчена. Полный ноль.

— Но у нас же банкет, — растерянно проговорила Алиса. — Вечером. На сорок персон. Бизнес-ужин.

— Именно, — голос Анны Петровны звенел от напряжения. — И в меню, которое утвердили две недели назад, главная позиция — палтус в сливочном соусе с морепродуктами. Без морепродуктов это просто кусок рыбы. Позор на весь город.

Марк, до сих пор хранивший грозное молчание, наконец заговорил:

— У меня есть решение. Но оно рискованное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.